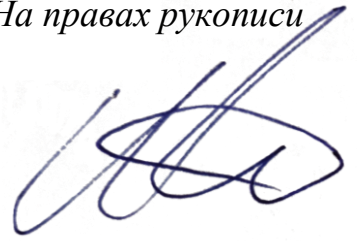

На правах рукописи

ШИЖЕНСКИЙ РОМАН ВИТАЛЬЕВИЧ

**СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО:
РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ**

Специальность 5.7.9. Философия религии и религиоведение

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Нижний Новгород

2024

Работа выполнена на кафедре философии и теологии в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»

Официальные оппоненты: **Громов Дмитрий Вячеславович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии ФГБУ «Российская академия наук», г. Москва

Иванов Андрей Анатольевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и истории АНОО ВО Центросоюза Российской Федерации «Сибирский университет потребительской кооперации», г. Новосибирск

Сторчак Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»**

Защита состоится 02 октября 2024 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета 72.2.005.01 при Государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина» по адресу: 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина и на официальном сайте университета по адресу: <https://lengu.ru/dissertation/99>

Автореферат разослан « _____ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т.С. Пронина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуализация изучения современного русского язычества обусловлена возрастающей активностью религиозного фактора в политической и идеологической жизни российского общества. Языческий конструкт является одним из компонентов этого фактора, о его мировоззренческой и социальной востребованности в современной России свидетельствует относительно длительная история существования (более четырёх десятилетий). В настоящее время приверженцами русского язычества сформирован и апробирован празднично-обрядовый комплекс, создана собственная крупная нарративная база, активно развивается институт служителей культа (волхвов, жрецов). Более того, представляя собой яркий пример новой религиозности, русское язычество остаётся в рамках непрерывной пролификации и актуализирует себя через появление новых структурных и организационных единиц. Русские язычники XXI века активно осваивают медиaprостранство, традиционные для конца прошлого столетия формы сакрального пространства (природные объекты и капища) дополняются храмовыми комплексами. Формируется новоязыческая мода, включающая бережную атрибутику, повседневную и обрядовую одежду с характерным набором синкретической символики, «родноверческий» татуаж. Отдельным, быстро развивающимся ноу-хау становится специальный лексикон, образуемый фразеологизмами из религиозной терминологии и священных текстов, с опорой на материалы источниковедческой базы по новой языческой истории. В этноориентированном направлении российского язычества происходит целый ряд системных изменений, позволяющих исследователям рассматривать его как наиболее быстро развивающееся в России новое религиозное движение, насчитывающее несколько десятков тысяч человек¹.

Особую актуальность имеет анализ изменений в мировоззренческом комплексе и политико-идеологическом дискурсе «родноверия», катализатором которых становится деятельность лидеров движения.

В контексте современных научных исследований недостаточно изученными и нерешенными остаются ключевые вопросы, связанные с генезисом рассматриваемого явления, с типологией основателей и лидеров отечественного религиозного нативизма, с организационными и мировоззренческими особенностями русских язычников XX–XXI веков, с

¹Aitamurto K. More Russian than Orthodox Christianity: Russian Paganism as Nationalist Politics // E-International Relations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-ir.info/2015/11/08/russian-paganism-as-nationalist-politics/> (Дата обращения: 13.01.2019).

правомерностью идентификации феномена русского язычества как нового религиозного движения.

Реальность феномена современного русского язычества в России, наличие большого объёма сведений об его истории и текущем состоянии требует его теоретического осмысления, систематизации и религиоведческой концептуализации.

Состояние научной разработанности проблемы

Как отмечает большинство исследователей, новые религиозные движения (далее – НРД) являются объектом зарубежных научных изысканий с 1960–70-х годов². Со времени введения в научный оборот британским социологом религии А. Баркер самого термина *new religious movements* не прекращаются дискуссии, связанные с правомерностью его использования в качестве глобальной единицы понятийного аппарата³ и применением к конкретным локальным сообществам. Предметами исследования и полемики являются причинно-следственный комплекс возникновения НРД, специфика их функционирования, классификация⁴. В отечественной историографии НРД отправными исследованиями являются работы Н.И. Макаровой, Е.Г. Балагушкина, Л.И. Григорьевой, Л.Н. Митрохина⁵. В контексте этой

² Beckford J.A. Cults and new religious movements: an overview // The Encyclopedia of Religion. N.Y., 1986. Vol. 10. P. 390–394; Robbins T., Anthony D., Richardson J. Theory and Research on Today's New Religions // Sociological Analysis. 1978. Vol. 39. № 2. P. 95–122; Bird F. The Pursuit of Innocence: New Religious Movements and Moral Accountability // Sociological Analysis. 1979. Vol. 40. № 4. P. 335–346.

³ Кантеров И.Я. Новые религиозные движения (введение в основные концепции и термины): учебное пособие. Владимир, 2006. Ч.1. С. 75; Бурова Л.А. Новые религиозные движения в социокультурном пространстве современного общества: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 3; Грусман Я.В. Новые религиозные движения как социокультурный феномен современного российского мегаполиса: автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2007. С. 13–14; Астахова Л.С., Астахова А.С. Образы новых религиозных движений в коммуникативных пространствах: в условиях поиска идентичности // Вестник экономики, права и социологии. 2010. №4. С. 146; Ожиганова А.А., Филиппов Ю.В. Новая религиозность в современной России: учения, формы и практики. М., 2006. С. 16; Филатов С. Новые религиозные движения – угроза или норма жизни? // Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России. М., СПб., 2002. С. 402.

⁴ Stark R., Bainbridge W.S. The Future of Religion. Secularization, Revival and Cult Formation. Berkeley, 1985. P. 515–517; Smart N. Asian Cultures and the Impact of the West: India and China // New Religious Movements: A Perspective for Understanding Society. Ed. Eileen Barker. New York & Toronto, 1982. P. 140–154; Stark R., Bainbridge W.S. Secularization and Cult Formation in the Jazz Age // Journal for the Scientific Study of Religion. 1981. Vol. 20. № 4. P. 360–373; Faris E. The Sect and the Sectarian // Publications of the American Sociological Society. 1927. Vol. 22. P. 144–159; Hill C. From Church to Sect: West Indian Religious Sect Development in Britain // Journal for the Scientific Study of Religion. 1971. Vol. 10. P. 114–123; Anthony D., Robbins T. Spiritual Innovation and the Crisis of American Civil Religion // Daedalus. 1982. Vol. 111. P. 215–234; Эгильский Е.С, Матецкая А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения: учебное пособие. М., 2016. С. 10; Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. М., 1999. С. 15–16; Элбакян Е.С. Глобализация в эпоху религии, религия в эпоху глобализации // Религиоведение. 2013. №3. С. 157; Крючкова Е.В. Нью Эйдж как культурная парадигма современного общества: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Астрахань, 2012. С. 10.

⁵ Макарова Н.И. Энциклопедия преступлений и катастроф. Тайные общества и секты. М., 1996. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. М., 1999.

проблематики особое место занимает идентификация с НРД феномена современного язычества.

Несмотря на значительный интерес зарубежных исследователей к теме конструируемых архаических верований⁶, анализ восточнославянских и тем более русских вариаций современного язычества в зарубежной историографии носит весьма поверхностный характер. Среди немногочисленных трудов по рассматриваемой проблеме можно выделить диссертационную работу финской исследовательницы К. Айтамурто «Paganism, Traditionalism, Nationalism. Narratives of Russian Rodnoverie» и ряд статей автора в коллективных монографиях, научных журналах, посвящённых изучению проблем языческого расизма, национализма и гендера⁷. Используя в качестве источниковой базы нарративы идеологов и материалы, полученные в ходе полевых экспедиционных выездов, Айтамурто относит «родноверие» к наиболее быстро растущему новому религиозному течению в Российской Федерации. В статье «The Rodnoverie Movement: The Search for Pre-Christian Ancestry and the Occult» французская исследовательница М. Лаурель предпринимает попытку создания советско-российского «языческого хронографа». Путём сопоставления русского и западного варианта движения автор разрабатывает классификацию «родноверия», считая данное направление вариантом движения New Age⁸. Литовский социолог Р. Пранскевичюте, используя материалы интервью с представителями движений виссарионовцев, анастасиевцев и ромувцев,

⁶ Voices from the Pagan Census: A National Survey of Witches and Neo-Pagans in the United States / H.A. Berger, E.A. Leach, L.S. Shaffer. US., 2003; York M. Pagan Theology: Paganism as a World Religion. New York, 2003; Modern Paganism in World Cultures: Comparative Perspectives / ed. by M.F. Strmiska. Santa Barbara, Dencer, and Oxford, 2005; Walking the Old Ways in a New World: Contemporary Paganism as Lived Religion (ed. with Joanna Malita-Król) Katowice, 2017; Kaarina Aitamurto, Scott Simpson. Modern Pagan and Native Faith Movements in Central and Eastern Europe. Routledge, 2014; Hanegraaff W.J. Idolatry // Revista de Estudos da religião. 2005. №4. P. 80-89; Грюндер Р. Неоязычество в Германии // Colloquium heptaplomeres: Научный альманах. – Выпуск I: Язычество в XX – XXI веках: российский и европейский контекст / Сост. А.А. Бесков, Р.В. Шиженский. Н.Новгород. 2014. С. 117–125; Маиэлло Д. Родноверие в Чехии в 1998-2005 годах: первый этап или последний? // Colloquium heptaplomeres: Научный альманах. – Выпуск II / Сост. А.А. Бесков, Р.В. Шиженский. Н.Новгород. С. 83–88.

⁷Aitamurto K. Paganism, Traditionalism, Nationalism. Narratives of Russian Rodnoverie. Academic dissertation. Helsinki, 2011. 312 p; Aitamurto K. More Russian than Orthodox Christianity: Russian Paganism as Nationalist Politics // Nations under God the Geopolitics of Faith in the Twenty-First Century. Bristol, 2015. P. 126–132; Aitamurto K. Gender in Russian Rodnoverie // Pomegranate: The International Journal of Pagan Studies. Ames, 2013. Vol. 15, № 1–2, P. 12–30; Shizhenskii R., Aitamurto K. Multiple Nationalisms and Patriotisms Among Russian Rodnover // Cosmopolitanism, Nationalism, and Modern Paganism. Palgrave Macmillan. New York, 2017. P. 109–132; Aitamurto K. Violence and New Religious Movements. Lewis J. R. (ed.). New York, 2011. P. 231–248; Aitamurto K., Gaidukov A. Russian Rodnoverie: Six Portraits of a Movement. Modern Pagan and Native Faith Movements in Central and Eastern Europe // Eds.: Aitamurto K., Simpson S. (ed.). Bristol, 2013. P. 146–163.

⁸Laruelle M. The Rodnoverie Movement: The Search for Pre-Christian Ancestry and The Occult // The New Age of Russia. Occult and Esoteric Dimensions / Ed. Menzel B., Hagemeister M., Glatzer Rosenthal B. Munich, 2012. P. 293–310.

приходит к выводу о сакрализации рассматриваемыми объединениями природы, выступающей в качестве оппозиции технократической цивилизации⁹.

Значительно большее внимание проблеме современного национального язычества уделяют исследователи ближнего зарубежья – Украины и Беларуси. Монографическое исследование М. Лесив посвящено изучению языческих верований и обычаев на Украине и в среде североамериканской украинской диаспоры. Автор выдвигает точку зрения, согласно которой для большинства украинцев эстетическое восприятие язычества, по сравнению с политической составляющей феномена, становится доминирующим¹⁰. Одним из наиболее популярных направлений в украинской историографии является гипотеза, рассматривающая язычество как новое религиозно-философское учение, мировоззренческий проект, имеющий свою программу развития национальной государственности. В данном направлении украинское язычество исследуют Т.Р. Беднарчик, О.Б. Гуцуляк, И.Г. Огорокова¹¹. История становления и развития «Родной Украинской Национальной Веры» (Рідна Українська Національна Віра) была проанализирована в работе А.Н. Колодного¹². Решению проблемы терминологии посвящена статья Е.В. Смульского «К развитию вопроса о понятии “неоязычество”». Ссылаясь на американского исследователя Майкла Ф. Стрмиска, украинский религиовед отстаивает правомерность использования термина «неоязычество» для характеристики новых религиозных течений политеистического характера¹³. Из последних работ следует отметить новую монографию одного из ведущих специалистов Украины О.А. Смержевской «Постмодернистские идеи религиозности: современное язычество в городской культуре (Украина в общеевропейском контексте)». Историк рассматривает хронологию, процесс трансформации

⁹Pranskevičiūtė R. Modeling the Sacred in Nature among Nature-Based Spirituality Movements: the Case of Vissarionites, Anastasians and Romuvians // *Walking the Old Ways: Studies in Contemporary Paganism* / A. Anczyk, H. Grzymała-Moszczyńska (eds.). Katowice, 2012. P. 37–60; Пранскевичюте Р. Конструирование сакрального в природоориентированных духовных движениях (на примере виссарионовцев, анastasиевцев и ромувцев) // *Colloquium heptaplomeres: Научный альманах. – Выпуск IV* / Сост. А.А. Бесков, Р.В. Шиженский. Н.Новгород, 2017. С. 54–65.

¹⁰Lesiv M. *The Return of Ancestral Gods: Modern Ukrainian Paganism as an Alternative Vision for a Nation* (McGill-Queen's Studies in the History of Religion). McGill-Queen's University Press, 2013. 221 p.

¹¹Гуцуляк О.Б. Неоязичництво як світоглядне явище (Історико-філософський аналіз): автореф. дис. ... канд. філ. наук. Львів, 2005. 23 с; Огорокова І.Г. Сприйняття неоязичництва українським суспільством // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2011. Вип. XXXI. С. 269–275*; Беднарчик Т.Р. Український рідновірський релігійний рух у діаспорі ХХ століття: дис. ... канд. філ. наук. Київ, 2007. 238 с; Беднарчик Т.Р. Неоязыческая религиозность в армии Украинской Народной Республики в 1917 – 1923 годах // *Colloquium heptaplomeres: Научный альманах. – Выпуск I: Язычество в ХХ – ХХІ веках: российский и европейский контекст* / Сост. А.А. Бесков, Р.В. Шиженский. Н.Новгород, 2014. С. 110–116.

¹²Колодний А. Рідна Українська Національна Віра. Київ, 2002. 64 с.

¹³Смульский Е.В. К развитию вопроса о понятии «неоязычество» // *Colloquium heptaplomeres: Научный альманах. – Выпуск I: Язычество в ХХ – ХХІ веках: российский и европейский контекст* / Сост. А.А. Бесков, Р.В. Шиженский. Н.Новгород. 2014, С. 24–33.

современных форм движения сквозь призму историко-культурной обусловленности, выделяет специфические черты развития современного язычества на Украине в контексте общеевропейских тенденций историко-культурной эволюции¹⁴. Выявлению основных аспектов нового язычества как белорусской, так и российской вариации посвящен ряд работ кандидата психологических наук Е.К. Агеенковой. Белорусская исследовательница отмечает широкую распространённость движения, склонность определённых политизированных языческих групп к радикализации и экстремизму. Автор обращает внимание и на духовную составляющую, подчёркивая биоцентрическую однополярность предлагаемого конструируемого мировоззрения¹⁵. В статьях «Неоязычество как религиозно-культурный феномен современности: проблема дефиниции», «Социальные функции неоязычества: проблема изучения» И.Б. Михеева, предлагая авторскую версию дефиниции нового язычества, обращает внимание на необходимость междисциплинарной стратегии изучения рассматриваемого движения¹⁶. Кроме того, отдельное исследование Михеевой посвящено сравнительному анализу философско-политических языческих проектов Беларуси и Польши: «Кривии» и «Задруги»¹⁷. В интернет-статье «Неоязычество в Белорусии разрушает славянское единство» А.Д. Гронский, рассуждая о формировании в республике альтернативной национальной идентичности, основанной на язычестве, приходит к выводу о возрастающем влиянии современных религиозных нативистов в медиапространстве¹⁸. Опыт типологизации нового язычества представлен в фундаментальном труде сектоведа В.А. Мартиновича «Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграции» и конкретизирован исследователем в главе «Проблемы целостного восприятия феномена неоязычества» коллективной монографии «Язычество в современной

¹⁴Сморжевська О.О. Постмодерністські візії релігійності: сучасне язичництво у міській культурі (Україна в загальноєвропейському контексті). Монографія. Київ, 2017. 198 с.

¹⁵Агеенкова Е.К. Некоторые аспекты славянского язычества // Сектоведение. Альманах. 2012. Том II. С. 22; Агеенкова Е.К. Современная вредоносная магия (на примере деятельности «Палача») // Colloquium heptaplomeres: Научный альманах. – Выпуск 1: Язычество в XX – XXI веках: российский и европейский контекст / Сост. А.А. Бесков, Р.В. Шиженский. Н.Новгород, 2014. С. 69–75.

¹⁶ Михеева И.Б. Неоязычество как религиозно-культурный феномен современности: проблема дефиниции // Ценности и смыслы. М., 2010. С. 80-90; Михеева И.Б. Социальные функции неоязычества: проблема изучения // Colloquium heptaplomeres: Научный альманах. – Выпуск 1: Язычество в XX – XXI веках: российский и европейский контекст / Сост. А.А. Бесков, Р.В. Шиженский. Н.Новгород, 2014. С.52–61.

¹⁷ Михеева И.Б. «Кривія» и «Zadruga» как культурно-политические горизонты национально-возрожденческих проектов Беларуси и Польши: опыт сравнительного анализа // Палітычная сфера. Эліты і неформальная палітыка. 2009. № 13. С. 14–31.

¹⁸Гронский А. Неоязычество в Белорусии разрушает славянское единство // Русская народная линия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/opp/2016/aprel/11/neoazychestvo_v_belorusii_razrushaet_slavyanskoe_edinstvo (Дата обращения: 09.01.2022).

России: опыт междисциплинарного исследования». В публикациях учёный выделяет факторы успеха язычников, затрагивает вопросы преемственности религиозных практик¹⁹.

Таким образом, феномен русского, шире – восточнославянского современного язычества, в европейской историографии представлен исследованиями, анализирующими лишь отдельные аспекты рассматриваемого мировоззрения. К числу наиболее популярных тематических блоков следует отнести вопросы, связанные с терминологией, национальной идентичностью, радикализацией отдельных политеистических групп и течений.

За предыдущие два десятилетия российским научным сообществом подготовлено двенадцать кандидатских диссертационных работ, в которых проанализированы различные стороны нового язычества. Авторский материал, включающий социологические опросы носителей, глубинные интервью с лидерами, содержится в шести исследованиях²⁰. При этом сохраняется доминирующая в российском религиоведении тенденция к изучению современного русского язычества с позиций определения уровня радикализации феномена. Анализу языческого национализма посвящено большинство работ доктора исторических наук, этнолога В.А. Шнирельмана и политолога В.В. Прибыловского²¹. В диссертационных работах А.В. Пучкова, О.И. Кавыкина, К.А. Жарчинской представлены различные аспекты расово-национальной языческой идентичности. Так, Кавыкин вводит градацию внутри рассматриваемого сообщества, делит религиозных нативистов на «неоязычников-ксенофобов» и «толерантных “родноверов”». Жарчинская рассматривает славяно-арийский миф как универсальный катализатор исторического сознания «традиционалистов»²². В свою очередь, Пучков, связав распространение расовых теорий в России с социокультурными и

¹⁹ Мартинович В.А. Проблемы целостного восприятия феномена неоязычества // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования: монография / под. ред. Р.В. Шиженского. Н.Новгород, 2016. С. 161–175; Мартинович В.А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Минск, 2015. Т. 1. 559 с.

²⁰ Лемешева Е.М. Неоязыческие сообщества в современном российском обществе: социологический анализ: автореф. дис. канд. соц. наук. Саранск, 2014. С. 11; Гайдуков А.В. Идеология и практика славянского неоязычества: автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2000. С. 10. и др.

²¹ Неоязычество на просторах Евразии / Сост., ред. В.А. Шнирельман / Приложение к журналу «Страницы». М., 2001; Шнирельман В.А. Русское родноверие. Неоязычество и национализм в современной России. М., 2012; Шнирельман В.А. Арийский миф в современной России. М., 2015. Т.1. С. 97–520; Прибыловский В. Неоязыческое крыло в русском национализме [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.religare.ru/2_490.html (Дата обращения: 07.02.2019); Прибыловский В. Русские язычники: Религиозные предпочтения национал-экстремистов // Экспресс-Хроника: правозащитный еженедельник. М., 1998. №8; Верховский А., Прибыловский В., Михайловская Е. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М., 1998. С. 39–41.

²² Кавыкин О.И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М., 2007, С. 169; Жарчинская К.А. Славяно-арийский миф в историческом сознании российских традиционалистов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2015. С. 10.

экономическими процессами, считает радикальные теоретические разработки одной из форм выражения мировоззрения новых язычников²³.

В рамках классификации НРД неоязычество как форма проявления религиозной эволюции рассматривается в трудах Л.И. Григорьевой, Л.Н. Митрохина, Е.Г. Балагушкина²⁴. Методологическому инструментарию, позволяющему провести качественное изучение современных версий языческой религиозности, посвящено исследование Л.С. Астаховой. Религиовед выделяет такие важнейшие показатели феномена, как динамика групп, постоянное взаимодействие с обществом, трансформация вероучения за счёт традиционной религиозности, внимание к которым позволит осуществить полноценное исследование²⁵. Источниковая база, причины возникновения и история развития российского варианта движения отражены в исследованиях О.В. Асеева, Б.З. Фаликова, Л.С. Клейна, В.П. Крутоуса²⁶. При этом одним из основных источников в работах российских учёных называется «Велесова книга» – фальсификация, потерявшая актуальность для большинства языческих групп в качестве «священного текста» ещё в начале миллениума. Региональная специфика общин, анализ отдельных групп нашли отражение в работах В.Б. Яшина, Л.И. Григорьевой, В.Б. Меранвильда²⁷. Подробному обзору язычества, в том числе критике неоязыческой эволюции, посвящен цикл статей А.П. Забияко «Язычество: от религии крестьян до киберрелигии»²⁸. Наиболее полно проблема современного русского язычества отражена в научных исследованиях А.В. Гайдукова. Особое внимание религиовед обращает на терминологию, обрядовую практику, социальные отношения в языческой среде конца XX двух первых десятилетий XXI века.

К общим недочётам многих приведённых публикаций следует отнести использование ограниченного числа неактуальных (устаревших) источников;

²³ Пучков А.В. Неоязычество в современной европейской культуре: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 9.

²⁴ Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: Морфологический анализ. Ч. 1. М., 1999; Григорьева Л.И. Нетрадиционные религии в современной России: социальная природа и тенденции эволюции: автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1994; Митрохин Л.Н. Религия и культура: (философские очерки). М., 2000.

²⁵ Астахова Л.С. Методологические основания исследования неоязычества в условиях мультипарадигмальности религиоведения // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Монография / под ред. Р.В. Шиженского. Н.Новгород, 2016. С. 11.

²⁶ Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 105–130; Фаликов Б.З. Неоязычество // Новый Мир. 1999. № 8. С. 148–168; Крутоус В.П. Заметки о новоязычестве – многоликом протее раздвоенной культуры // Вестник Московского университета. Серия 7 Философия. 2000. №5. С. 80–92.

²⁷ Григорьева Л.И. «Язычники» Красноярска в формате кейс-стади: взгляды снаружи и изнутри // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Монография / под ред. Р.В. Шиженского. Н.Новгород, 2016. С. 62–77; Яшин В.Б. Современное русское неоязычество в региональном измерении: сибирская версия. Там же. С. 235–242; Меранвильд В.Б. Славяно-горичское движение как одна из форм возрождения русской национальной культуры. Йошкар-Ола, 2004.

²⁸ Забияко А.П. Язычество: от религии крестьян до киберрелигии // Религиоведение. 2005–2008.

знакомство с современным русским языческим движением исключительно через Интернет-ресурсы и выборочные нарративы адептов; конструирование общего заключения о движении с основой на внешние проявления (резонансные публикации в СМИ, видео-выступления лидеров отдельных общин); анализ деятельности одного языческого сообщества и, как следствие, экстраполяцию полученных выводов на всё современное русское язычество; представление о рассматриваемом феномене как о моногеническом явлении. В ряде случаев доказательная база того или иного положения строится на недостаточном эмпирическом материале, отсутствует знание специализированной новоязыческой терминологии.

Несмотря на тот факт, что отечественная историография, посвящённая проблеме современного русского язычества, весьма обширна, насчитывает десятки как специализированных, так и обобщающих работ, освещающих различные аспекты религиозного феномена с 80-х годов прошлого века, вне исследовательского поля остаются ключевые дискурсы, позволяющие в полном объёме представить развитие современного русского языческого движения: роль лидера, организационные и мировоззренческие особенности движения и, самое главное, религиозная основа, конструируемая идеологами родноверия.

Объектом исследования является современное русское язычество.

Предмет диссертационного исследования составляют религиозный, социальный, политико-идеологический, философско-онтологический, футурологический и конспирологический концепты современного русского языческого движения.

Целью данной работы является религиоведческая концептуализация феномена современного русского язычества.

Для реализации выдвинутой цели поставлены следующие взаимосвязанные **задачи**:

1. Конкретизировать понятийный аппарат и эксплицировать понятие «современное русское язычество» в религиоведческий дискурс.
2. Обосновать и раскрыть методологические стратегии исследования современного русского язычества.
3. Обозначить социоструктурные характеристики современных русских языческих объединений.
4. Проанализировать философско-онтологические учения лидеров язычества.
5. Выявить особенности пантеона и празднично-обрядовых практик современных русских язычников.

6. Раскрыть специфику современной языческой интерпретации истории, исследовать основания языческого «исторического мифа» и языческой конспирологии.

7. Рассмотреть характерные черты язычества как политико-идеологического дискурса на примере проектов языческого анархизма и языческой государственности.

8. Определить значение концепции Золотого Века в современной языческой футурологии.

Хронологические границы исследования. В связи со спецификой генезиса современного русского язычества, в первую очередь, связанного с системообразующей ролью актора – харизматического идеолога, лидера группы (общины), правомерно объединить начало текущей версии конструируемой религиозности с хронологией мировоззренческого становления конкретной персоналии – А.А. Добровольского (Доброслава). Являясь первым представителем новой языческой «символьной элиты»²⁹, Добровольский создал набор дискурсов (политических, социальных, мифологических и т. д.), ярко представленных в движении нативистов³⁰ конца второго десятилетия XXI века. Соответственно, нижняя граница хронологических рамок исследования определяется концом 1970-х годов и характеризуется переходом от «нарративного язычества» через формирование источниковой базы к концепции авторского пантеизма Добровольского. Эта концепция «обогащает» языческое мировоззрение неомифами³¹, новым специфическим языком («неоязыком»). На этой основе происходит переход к практическому язычеству, «язычеству в действии»: осуществление сценарированной празднично-обрядовой деятельности, проведение лекториев, создание и реализация «символической продукции». Верхняя граница исследования определяется 2021 годом. Выбор данных хронологических рамок обусловлен, во-первых, уходом с исторической сцены языческих идеологов первой и второй волны; во-вторых, созданием новых направлений в русском языческом социуме («шуйный путь», «неотрадиция», вариации мировоззренческой синкретики: родноверие-шаманизм, родноверие-одинизм);

²⁹ «Символьная элита» – это политически активная социальная группа, занимающаяся идеологическим обеспечением деятельности политической элиты или контрэлиты посредством создания «символической продукции», а также ее поддержания и распространения в массовом сознании. Этническая «символьная элита» создает, поддерживает и распространяет «символическую продукцию» этнического характера...» – Мухаметшина Н.С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт: автореф. дис. ... доктора полит. наук. Саратов, 2004. С. 12–13.

³⁰ Дворкин А.Л. Неоязычество и движение New age. Попытка систематизации // Православный миссионер. 2018. № 5. С.32–33.

³¹ Воронова Н.И. Неомифы в духовной культуре современной России: этнонациональный аспект: автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., С. 11, 20.

в-третьих, появлением новых структурных и организационных форм (языческая семья, конфедерация, вече/совет, конференция, Интернет-портал и др.).

Теоретико-методологические основы исследования. В диссертации использован системный подход, позволяющий охарактеризовать современное русское язычество с учётом специфики феномена и особенностей различных областей социокультурного знания. Хронология развития и трансформационные процессы в новом язычестве, смена исторических типов объединений были проанализированы на основе принципа историзма и цивилизационного подхода. Специфика объекта изучения (диаспоральность, слабая организационная оформленность, преимущественно неофициальный характер языческих групп, подозрительное отношение к «чужим» – представителям власти и научного сообщества – отсутствие единого координирующего центра, высокий уровень активности в сети Интернет) диктует необходимость применения биографического метода, в котором источниками эмпирических данных послужили письма, автобиографические очерки, мемуары лидеров языческого движения конца XX – первого десятилетия XXI века. Персоналистский метод позволил рассмотреть генезис, развитие и весь комплекс «языческих модификаций» сквозь призму идей идеологов. Метод case study – эмпирическое исследование современного феномена в его реально существующем контексте, детальное рассмотрение серии взаимосвязанных событий позволил выявить генерирование основных новых языческих мифологем, характерных для мировоззренческих взглядов современных религиозных нативистов.

В качестве теоретико-методологической площадки, иллюстрирующей прямую связь современного русского язычества с новой религиозностью, автором использовались религиозоведческие концепции российского философа Е.Г. Балагушкина и белорусского сектоведа В.А. Мартиновича, создавших на основе разработок зарубежных и российских специалистов собственные классификации нетрадиционной религиозности. В типологизации НРД Е.Г. Балагушкина новое славянское язычество с разной модальной «плотностью» фиксируется в обновленческих религиозных движениях, оппозиционных и альтернативных религиях. В предложенной В.А. Мартиновичем классификации нетрадиционной религиозности по её структуре и содержанию современное славянское язычество обладает признаками шести структурных типов (сект, аудиторных и коммерческих культов и т.д.). Мультидисциплинарный характер предмета исследования позволяет задействовать культурно-антропологические методы:

количественный и качественный контент-анализ, анализ анкетного массива и индивидуальных интервью с лидерами языческого движения.

Важной частью методологического базиса исследования является герменевтический метод. Тексты, анализируемые в диссертации, представляют собой сложную конструкцию с массой специфических понятий и терминов. Значительная их часть еще нуждается в прояснении, интерпретации. Использование герменевтического метода необходимо также и ввиду того, что некоторые тексты, оказавшие влияние на русское язычество конца XX – начала XXI века, представлены на разных языках (украинский, белорусский, литовский). В этой связи задача предельно тщательного анализа текстов является одной из основных.

Поскольку современное русское язычество представлено самыми разнообразными течениями, то неизбежным представляется и применение компаративного анализа, который позволяет выявить сходства и различия в существующих языческих направлениях.

В исследовании значительное внимание уделяется принципу объективизма. В частности, во время работы над нарративными источниками автор придерживался принципа беспредпосылочной герменевтики – метода исторической феноменологии.

Научная новизна диссертационного исследования:

1. Впервые в научный аппарат введен термин «современное русское язычество», разработана методология исследования язычества последней трети XX – начала XXI века, обоснована авторская хронология данного религиозного феномена.

2. Впервые концептуализированы основные характеристики современного русского язычества (специфика ритуально-обрядовых практик; особый язык), определены типы носителей языческой религиозности: харизматические лидеры, избранные последователи, рядовые представители движения.

3. На основе анкетирования представителей русского языческого социума впервые раскрыты особенности структурной организации русского язычества последней трети XX – начала XXI века. Установлено появление новых видов объединений – языческая конфедерация, вече, конференция, интернет-сообщество.

4. Впервые установлены системообразующие элементы современных языческих мировоззренческих концепций: философия («праведный нравственный закон»), мистицизм, коллективизм и национализм.

5. Впервые разработан персонифицированный подход к определению роли языческих вождей (комплексный анализ биографий, идеологических установок руководителей движения).

6. Выявлены особенности современного языческого культа: отсутствие в среде русских язычников конца XX – начала XXI века общепринятого пантеона, ярко выраженный супрематеизм, «обряды-перевертыши», практика индивидуальных и коллективных радений. Определена специфика «исторического мифа» и конспирологии современного русского язычества.

7. На примере рассмотрения проектов «языческого анархизма» и «языческой государственности» выявлены специфические черты современного русского язычества как политико-идеологического дискурса.

8. Впервые дана характеристика политической идеологии современного русского язычества.

Основные положения работы, выносимые на защиту:

1. Анализ терминологии и хронологии позволил прийти к следующим выводам: во-первых, на сегодняшний момент в российском научном сообществе, в среде идеологов рассматриваемого мировоззрения отсутствует общепринятый термин, характеризующий современное русское язычество XX – XXI веков. Во-вторых, «неисторичность» рассматриваемого феномена строится на синкретизме и заимствованиях идей и практик иных мировоззренческих и религиозных систем; претензиях на «языческую монополию» – единственно верное учение, предлагаемое лидерским активом; разработке современных философских категорий, чуждых традиционному язычеству (нравственность, этнос). В-третьих, важнейшими хронологическими периодами в становлении русского язычества, по мнению исследователей вопроса и представителей сообществ носителей, являются первое десятилетие XX века, 1970-е годы, середина 1980-х – начало 1990-х годов. Вместе с тем генезис современной вариации русского язычества относится к концу 1970-х годов XX века и связан

с деятельностью А.А. Добровольского (Доброслава), создавшего идеологическую и практическую основу движения.

2. Русское языческое мировоззрение последней четверти XX – второго десятилетия XXI века представляет собой яркий пример новой религиозности. Исследовательские модели, включающие обновленческие движения, движения сакрализации действительности, оппозиционную и альтернативную религиозность, или представляют собой прямые примеры современного язычества, или содержат сегменты данного мировоззренческого феномена. Для «родноверческих» организаций характерны проявления как «жестких», так и «гибких» религиозных практик. Данные методы и приемы моделируются и реализуются в повседневности – мире «естественности», «своем» социокультурном поле для НРД. Новая религиозность проявляется и через сложившийся институт лидеров-идеологов, фиксируемую систему «языческого тезауруса», уникальный комплекс ритуально-обрядовых практик. Современному русскому языческому феномену свойственна и жизнедеятельность на индивидуальном уровне – в пространстве вне организационной культовой среды. «Язычество в действии» отвергает существующие религиозные практики мировых религий и включает развитую обрядовую составляющую, построенную на экстравагантной ритуалистике (активно проникающей в эмоционально-психологический мир неофита), системе практик (духовного и нравственного совершенствования), изменяется в соответствии с временем, требованиями верующих и волей лидера конкретного движения. В роли языческого лидера выступает «белая ворона», выделяющаяся внешним видом (прической, одеждой, татуажом, предметами, подчеркивающими его религиозную принадлежность), специфической лексикой. В отличие от ряда НРД на этапе удержания новообращенного в группе роль лидерской харизмы не только не уменьшается, но и остается на прежнем уровне. «Рутинизация харизмы» в язычестве невозможна в силу немногочисленности ядра последователей и, как следствие, наличия постоянного контакта между лидером и паствой, «борьбой» идеологов с последствиями отхода на «второй план»: догматизацией и конфессионализацией. Кроме того, авторитет руководителя общины напрямую поддерживается его функционалом. Русские языческие служители культа как

представители первых поколений вынуждены, прежде всего в силу «первопроходства», совмещать «должности» жреца, руководителя (законодателя) и пророка.

3. В настоящее время на территории Российской Федерации наблюдаются следующие типы языческой организации: семья, вече / совет, языческая конференция, Интернет-ресурс, община, союз общин, конфедерация, поселение. Внеструктурными субъектами русского религиозного нативизма являются язычник-индивидуал и идеолог-одиночка. Мотивации, побуждающие современного язычника приезжать на праздник, включают отдых, участие в обрядовой практике и общение с единомышленниками. К основным причинам, повлиявшим на мировоззренческий выбор лидеров этноориентированных языческих групп, относятся рок (судьба) и национальное самосознание.

Утверждение харизматического лидера сопряжено со стремлением его последователей предстать в качестве «избранных». Адепты получают статус посвященных, лидер – обеспеченное ими комфортное существование. «Языческая избранная Рада» копирует детали внешнего вида лидера, одежда и реплики адептов соответствует принятому стандарту. Эта немногочисленная группа принимает и всячески поддерживает игру идеолога в «новояз», организует и проводит праздники. С течением времени некоторые подмастерья сами становятся претендентами на роль мастера и формируют свое учение. Другие покидают общину и переходят в категорию «язычников-одиночек»: индивид не состоит в общине, но принадлежит к движению как таковому. Более того, он может верить и осознавать себя язычником виртуально – исключительно на просторах Интернет-пространства.

4. Анализ социально-политических проекций идеологов позволяет констатировать следующий идейный дискурс, составляющий основу русского языческого мира будущего: категорическое неприятие сложившейся в Российской Федерации современной политической модели с соответствующим поиском необходимой системы в исторической ретроспективе: Древней Руси (преимущественно), СССР. Мировоззренческая составляющая абсолютизируется в ценностной системе социума будущего – возрождённое этнократическое язычество представляется лидерам движения не только как единственно возможная религиозная система будущего, но и как априори

единственный гарант существования человечества. Отсюда ставка на теократическую политическую систему в форме «волховского всевластия».

Концепции философии А.А. Добровольского и Н.Н. Сперанского включают ярко выраженный языческий инфантилизм, мистическую обрядность, детерминизм личного, общественного и природного. Кроме того, теоретическим разработкам идеологов присущи идеи религиозной и национальной идеализации, проявляющиеся через придание дарне-ладу, праведному нравственному закону, статуса основных этических систем Золотого Века, стремление авторов вписать данные системы в хронологию отечественного исторического процесса.

5. К основным причинам, не позволившим оформиться единому современному русскому языческому культу, относятся «выбор» божества в соответствии с выдвигаемой мировоззренческой концепцией автора-идеолога; конструирование мира богов с упором на неприятие (собственное прочтение) источников, содержащих данные по славянской мифологии.

Празднично-обрядовый комплекс выступает одной из ключевых систем современного русского язычества. Рассмотрение наиболее важных, требующих присутствия большинства членов религиозного сообщества «вечевых» вопросов, связанных как с внутриобщинным бытом, так и с внешними связями, приурочивается к тому или иному значимому «свято». Благодаря цикличности, системности основных праздничных дат, язычник вправе говорить о некой стабильности, присущей не только его общине, но и учению, мировоззрению в целом. Ритуальная практика современных русских язычников, представленная посвящениями (воинскими, волховскими), обрядами «имянаречения», «раскрещивания», «радениями», фиксируется как на коллективном, так и на индивидуальном уровне (в виде сеанса медитации). Приуроченные к важному событию обряды несут основную действенную и зрелищную нагрузку. Последняя формируется и за счет так называемых «внешних составляющих», сопровождающих обряд. Именно второстепенные элементы и наполняют религиозное действие сценарным багажом, позволяющим современным языческим общинам с разных сторон подойти к конструкции исчезнувшей традиционной славянской обрядности.

6. Стремление изменить историю, создать собственную следует рассматривать как основу нового языческого исторического мифа. Формирующую роль в «мифопостроении» играет автор – лидер объединения, смещающий акценты в своем «произведении», руководствующийся лишь собственными идеологическими, политическими, религиозными целями. Одним из основных (как по мировоззренческой значимости, так и по «хронологической живучести») современных русских языческих мифов является рассказ об историческом портрете киевского князя Владимира Святославича.

Системообразующими элементами, составившими русскую языческую конспирологию, являются наличие связи между автором и его текстом, ретроспективный способ понимания истории, стремление к анонимности, наличие идеи о внешнем и внутреннем враге, присутствие элементов расовых теорий, реактивность.

7. Современное русское язычество, как политико-идеологический дискурс, предполагает гиперболизацию славянской архаики и планируемое включение элементов управления последней в поле существующей социально-политической организации. Роль универсальных эталонов должен сыграть общинный (родовой, соседский) институт, базирующийся на вечевой форме управления. Соответственно, важнейшими составляющими общинно-вечевого устройства будущего должны стать всеобщая трудотерапия, подчинение личных интересов интересам общества.

Русские языческие вожди по-разному представляют структуру общественно-политического устройства. Взяв за базис общинно-вечевое управление, Доброслав делает ставку на антиэтатизм, представляя русский нативистский мир будущего в виде союза эконоархических коммун. Используя ту же структурную площадку, Велимир, напротив, констатирует торжество государственности, опирающейся на принципы национальной (русской) языческой соборности. Добровольскому, несмотря на итоговый провал, удалось вывести свои разработки из виртуалистики, области идейных, нарративных проектов в реалии через попытку создания «васеневского сообщества вольных», движения «РОД». В отличие от него интеллектуальный багаж

Сперанского еще не был апробирован на территориях функционирования русской языческой диаспоральности.

8. Золотой Век в представлении идеологов русского язычества предполагает тотальное изменение существующего мироустройства через насильственный захват власти, возвращение молодой элиты – новой аристократии, воспитанной в традициях искомой духовности (языческого мировоззрения) и расовой гигиены. Возглавить избранных, встать во главе новых людей идеального мира должен национальный лидер (вождь, волхв).

Теоретическая значимость исследования заключается во введении в научный оборот и обосновании термина «современное русское язычество», под которым следует понимать мировоззренческий феномен, возникший в РСФСР в 1970-х годах, в основе которого лежит комплекс идеологических, религиозных, социально-политических, культурных парадигм, направленных на возрождение славянских дохристианских верований. Этот феномен характеризуется: превалированием конструируемых авторских инициатив над реконструируемыми элементами мифологии и обрядовых практик; эклектикой идей этноцентризма и природоцентризма; структурной, мировоззренческой пролиферацией; конспирологией, футурологией и фолк-хистори как набором инвариантов.

В рассмотрении феномена современного русского язычества как актуального примера новой религиозности применен системный анализ основных составляющих новоязыческого мировоззрения в концепциях идеологов движения. Определена хронология и выявлены институциональные характеристики русского язычества XXI в. Выдвинутые в диссертации теоретические положения могут служить источниковой базой для дальнейших разработок проблемного поля новых религиозных движений, функционирующих на территории Российской Федерации.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования результатов диссертации в экспертно-аналитической работе (в частности, при оценке уровня радикализации восточнославянских неоязыческих групп). Работа над темой исследования способствовала подготовке курсов «Современные религии России», «История мировых религий» (преподают на факультете гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина)³², проведению ежегодной полевой этноконфессиональной практики. Материалы

³² Шиженский, Р.В. Славянское родноверие: учебно-методическое пособие. Йошкар-Ола, 2009.

диссертации могут быть использованы для разработки общих и специальных курсов по новейшей истории России, истории религий России, новых религиозных движений, по сравнительному религиоведению.

Систематизация данных о современном русском язычестве представляет интерес для органов государственной службы, занимающихся вопросами межнациональных отношений, выработкой государственной политики по вопросам религии, свободы совести, вероисповедания. Результаты исследования могут быть использованы в прикладных целях при анализе актуальных этнополитических и этнокультурных проблем современного российского общества на федеральном и региональном уровнях.

Источниковая база исследования. В диссертации представлена следующая классификация источников:

I. Опубликованные нарративы идеологов российского и зарубежного язычества XX-XXI вв.: а) «священные книги», «пророческие книги», б) монографии, брошюры представителей современных российских и европейских языческих направлений, в) словари, сборники, справочники, г) материалы газетной и журнальной периодики, д) официальные документы языческих объединений. К представленной группе источников относятся открытые письма, заявления, обращения общин, союзов и конфедераций, адресованные органам государственной власти, единоверцам, мировоззренческим (религиозным) оппонентам и широкой общественности.

II. Ресурсы сети Интернет: а) открытые информационные ресурсы (сайты, порталы, форумы), б) Интернет-статьи, сообщения, новостные заметки, обращения.

III. Полевые материалы автора (ПМА). К третьей группе источников относятся интервью, полученные соискателем во время личных бесед, переписки с лидерами русских и европейских языческих объединений в период с 2007 по 2016 гг. В данную группу также вошли материалы анкетных опросов, проводимых сотрудниками научно-исследовательской лаборатории «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы» НГПУ им. К. Минина во время выездных экспедиционных практик на праздничные мероприятия родноверческих организаций (2013–2015 гг.): а) опубликованные (текстовые)³³, б) неопубликованные (аудио-интервью)³⁴, в) источники личного происхождения (эпистолярные источники), г) анкетные опросы 2010–2016 гг.

³³Indigenous religions. «Русь языческая»: этническая религиозность в России и Украине XX-XXI вв. / сост. и общ. ред. Р.В. Шиженский. Н.Новгород, 2010.

³⁴ Наиболее важные фрагменты приведённых аудиозаписей опубликованы в монографиях автора. См.: Шиженский Р.В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А.А. Добровольского). 3-е изд.,

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены на международных и всероссийских научных мероприятиях (конgressах, конференциях, семинарах, круглых столах), в том числе: «Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития» (Саранск, 9–11 декабря 2008 г.); «VIII конгресс этнографов и антропологов России» (Оренбург, 1–5 июля 2009 г.); «Slavic Paganism in Russia Today Culture and Russian Society» (Helsinki, 21 – 23 October 2015 y.); «III конгресс российских исследователей религии» (Владимир, 7–9 октября 2016 г.); «XV совещание православных сектоведов Беларуси» (Минск, 6 марта 2017 г.); «I конгресс Русского религиоведческого общества» (Москва, 16–17 июня 2017 г.); «VI Свято-Георгиевские чтения» (Владикавказ, 23–24 ноября 2017 г.); «Гуманитарное знание и духовная безопасность» (Грозный, 1–3 декабря 2017 г.); «The Kreutzwald Days» (Tartu, 7–8 December 2017 y.); «Неоязычество в России: история, настоящее, перспективы» (Ростов-на-Дону, 28 марта 2018 г.); «Религиозная ситуация на северо-западе: традиционные религии / религиозные традиции» (Санкт-Петербург, 26 апреля 2018 г.); «W kręgu Peruna. O społecznym i politycznym znaczeniu i urochów neopogańskich w Rosji» (Warszawa, 27 czerwiec 2018 г.); «Славянское неоязычество: генезис и развитие феномена в России в начале XXI века» (Нижний Новгород, 13 сентября 2018 г.); «Исследование социокультурной самоидентификации славянских неоязыческих объединений Республики Польша и Российской Федерации (сравнительный анализ)» (Варшава, 5 марта – 7 апреля 2019 г.); «Еўрапейскае паганства XXI стагоддзя: напрамкі, арганізацыі, лідэры» (Вильнюс, 27–29 сентября 2019 г.); «III конгресс Русского религиоведческого общества» (Санкт-Петербург, 4–6 октября 2019 г.); «Славянское язычество XXI века: проблемы генезиса и развития» (Нижний Новгород, 15 февраля 2020 г.); «Как говорить о современном язычестве в России со студентами?». Научный семинар Русского религиоведческого общества (Калининград, 11 ноября 2020 г.); «Неоязычество и средний класс». Научный лекторий «Крапивенский 4». (Москва, 3 февраля 2021 г.); «Религиозная ситуация: северные векторы». Международная научная конференция. (Санкт-Петербург, 9 февраля 2021 г.); «Религия a priori и a posteriori». V конгресс Русского религиоведческого общества (Калининград, 14–15 октября 2022 г.); «Экстремистские тенденции в неоязычестве: оценка рисков и перспектив». Круглый стол (Санкт-Петербург, 17 ноября 2021 г.); «Молодежные субкультуры и экстремизм: потенциальные

точки пересечения». Круглый стол (Москва, 23 декабря 2021 г.); «Абсолютный терроризм: международная молодежная субкультура “Колумбайн” и родственные течения как новая террористическая угроза». Научно-практическая конференция (Н. Новгород, 24 августа 2022 г.); «Русское язычество третьего десятилетия XXI века: между инвариантами и инновациями. Презентация монографии Романа Шиженского «Язычество с современной России: опыт междисциплинарного исследования» (Санкт-Петербург, 24 октября 2023 г.); «Неоязычество в современной России: генезис, мимикрия, амбиции (Томск, 2 ноября 2023 г.); «Русское неоязычество: истоки, история, мифология и обряды» (Москва, 27 ноября 2023 г.).

Структура работы: диссертация состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, библиографического списка, насчитывающего 549 наименований и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяется степень её научной разработанности, формулируются цели и задачи работы, дается характеристика теоретико-методологической базы исследования, раскрывается его научная новизна и практическая значимость.

Первая глава – «Теоретико-методологические проблемы исследования современного русского язычества» – позволяет выявить характерные признаки современного русского язычества как объекта религиоведческого исследования.

Параграф 1.1. «Концептуально-терминологическое пространство дискурса» посвящён анализу дефиниций, характеризующих русское язычество конца XX – первого десятилетия XXI века, хронологии становления и определению фигуры основоположника движения.

В результате анализа терминологический набор, характеризующий движение ревнителев русской мировоззренческой этники, может быть условно разделен на три блока, в основу которых, наряду с особенностями (дискурсами) доказательной базы каждого конкретного, индивидуального термина, лег принцип позиционности (но не исследовательского специалитета), учитывающий алгоритм: дружественный-нейтральный-враждебный. Первый блок – набор дефиниций, приемлемых для характеристики рассматриваемого социально-религиозного феномена - включает понятия: «современное

язычество», «современное славянское язычество», «нативизм», «indigenous religions». Во второй, допустимый, «нейтральный блок» входят термины: «альтернативная [языческая] религиозность», «оппозиционная [языческая] религиозность». Основу третьей, неприемлемой группы «hostile» составили дефиниции «неоязычество», «родноверие» и др.

Главная проблема, лежащая на поверхности «языческой новизны», заключается в признанном, в том числе и некоторыми приверженцами современного русского язычества, многовековом историческом разрыве в функционировании славянских традиционных верований. При этом если для научного сообщества отсутствие письменных источников, устной передачи языческого мировоззрения непосредственно живыми носителями – очередной вклад в копилку «новоязыческих недоверий», то для самих «родноверов» традиция, сохраненная не до конца, позволяет заявлять о праве современного язычника на ее восполнение и модернизацию. В целом, современное русское язычество своей игрой в историчность вписывается в гипотезу Ж. Бодрийара о порядке симулякров. Заменяя отсутствующий источник конструкцией, «языческая симуляция» становится очень опасной, «так как всегда позволяет предположить по ту сторону своего объекта, что порядок и закон сами, возможно, не что иное как симуляция»³⁵. Таким образом, подмена существовавшего исторического языческого прошлого в настоящее время наблюдается в русском варианте новой религиозности на всех уровнях – от бриколажа (общинно-индивидуальной вольной игры по совмещению всевозможных религиозных традиций) до личного язычества, прекрасно развивающегося в реалиях мегаполиса и киберпространства.

Центральным является вопрос, касающийся определения лидера, первооткрывателя (первооткрывателей) рассматриваемого феномена. Несмотря на фиксацию языческой тематики в работах В.Н. Емельянова, программных проектах В.И. Скурлатова и других оппозиционных деятелей эпохи Советского Союза, именно доминирование политической составляющей над идеологической, отсутствие четко структурированной мировоззренческой платформы не позволяют рассматривать данные персоналии в качестве первых язычников СССР, оставивших определенное интеллектуально-практическое наследие. Емельянов, Скурлатов, затем Истархов, Авдеев – язычники от политики, придававшие и придающие минимальное значение религиозному содержанию своих программных конструктов. Принадлежат к младоязычникам-

³⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 41. О проявлении симулякров в современном язычестве см.: Цыганков А.С. Неоязычество как феномен современного общества // Система ценностей современного общества. 2011. №17. С. 68–69.

одиначкам первой волны, А.А. Добровольский (Доброслав) соединил идеи своих соратников с собственными панентеистическими разработками и, стал первым полноценным язычником советской России. «Язычество по-доброславовски» – первая версия современного русского язычества, первая законченная мировоззренческая система, включающая набор страт (от символики, элементов праздника, пантеона до языческой этики, истории и проектов утопий), активно используемых сегодняшними лидерами отечественного религиозного нативизма.

В *параграфе 1.2. «Методологические стратегии исследования современного русского язычества»* представлена доказательная база, позволяющая относить современное русское язычество к новым религиозным движениям. В соответствии с концепцией Е.Г. Балагушкина, НРД являются самой большой группой современных нетрадиционных религий, включающей обновленческие религиозные движения, оппозиционные религии и альтернативные религии³⁶. Для обновленческих движений характерно неотложное и радикальное решение социальных проблем, помноженное на различные модальности религиозно-практического освоения действительности. Среди последних Балагушкин выделяет тип социально-антропологического перфекционизма. Большинство современных языческих объединений в своих теоретических программных установках подтверждают принадлежность к данному новационному типу.

Оппозиционные религии характеризуются отчужденным отношением к миру, непримиримым противоборством с ним либо стремлением подчинить его противоположным сакральным приоритетам. Еще одна особенность оппозиционности НРД проявляется в принципиальном изменении вектора сакральной ориентации, установлении прямо противоположных приоритетов в сравнении с принятыми в традиционных религиях. Здесь уместно сослаться на «обряды-перевертыши»: «раскрещивания» и «имянаречения», – получившие распространение в русских политеистических группах с начала 80-х годов XX века. Альтернативная религиозность со свойственными данному типу сугубо радикальными установками (отказом от компромисса с современным миром, социальной реальностью, возможностью реформирования существующего строя), безусловно, появляется в языческих исканиях современности.

Авторская типологизация В.А. Мартиновича предполагает классификацию нетрадиционной религиозности по структуре и содержанию. Неоязыческие секты и культы характеризуются наличием сильной организационной

³⁶Балагушкин, Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. М., 1999. С. 18.

структуры, фиксированным институтом постоянного членства, всесторонним вероучением.

В приведенных типологизациях современное язычество и русское язычество, как яркий пример последнего, выступает как категория универсальная. Исследовательские модели новой религиозности, включающие обновленческие движения, движения сакрализации действительности, оппозиционную и альтернативную религиозность, секты, многообразие культов или представляют собой прямые примеры язычества, или содержат сегменты данного мировоззренческого феномена.

Применительно к современному русскому язычеству создание «новояза» – приоритетная сфера, закрепленная за лидерами. Язык для посвященных проявляется в ономастиконе, обрядовой терминологии, в конструировании магических словесных формул (обращений к богам, «славлений», заговоров) и сопровождает русское язычество с момента появления – конца 70-х годов XX века. Знакомство интересующихся, неофитов, посвященных членов движения со «священным языком» происходит на праздничных мероприятиях, через изучение многочисленных нарративов, содержащих языческие «именословы» и «словники» (обращения к богам). Язык, слово, текст выполняют синкретическую функцию в языческих НРД (решение задач идеологической сегрегации и повышения психологической самооценки адептов)³⁷. С помощью вербального и материального «новояза» потенциальный неофит и состоявшийся участник движения одновременно находятся в отношениях партипации и дихтономии, реализуя свою важнейшую первоочередную идентификационную задачу принадлежности к сообществу «Мы-группы»³⁸.

Присутствие харизматического лидера – одна из центральных особенностей НРД, характерных для всех проявлений данного феномена. Авторитет лидера напрямую поддерживается его функционалом. Типология важнейших архетипов (К.Г. Доусон) находит благодатную почву на русском языческом материале. Служители языческого культа как представители первых поколений в конструировании современного языческого мировоззрения вынуждены, в силу «первопроходства», совмещать «должности» жреца, руководителя (законодателя) и пророка. Соответственно, многофункциональное положение современного русского языческого лидера

³⁷ Ожиганова А.А., Филиппов Ю.В. Новая религиозность в современной России: учения, формы и практики. М., 2006. С. 95.

³⁸ Астахова Л.С., Токранов А.В. Деструктивность в религиозном поведении: к вопросу о методологии изучения новых религиозных движений. С. 29.

создает прецедент невозможности отхода на второстепенные позиции и перехода в разряд «Deusotiosus» (Бога отдыхающего).

В параграфе 1.3. «Основные социологические характеристики и структурированные объединения русских язычников» рассматриваются особенности социологического портрета среднестатистического представителя современного языческого мировоззрения, лидеров русских нативистских групп. Поднимается проблема структурных вариативов, актуальных для рассматриваемого религиозного феномена на современном этапе функционирования.

Среднестатистический представитель языческой группы – мужчина (идентифицирующий себя как «родновер») тридцати одного года с законченным высшим образованием, работающий служащим, рабочим или бизнесменом и проживающий в городе федерального значения. Данный индивид не состоит в структурированном религиозном объединении (община, союз). Основными мотивациями, побуждающими язычника приезжать на праздник, являются отдых, участие в обрядовой практике и общение с единомышленниками. К причинам, повлиявшим на мировоззренческий выбор лидеров существующих этноориентированных языческих групп, относятся рок (судьба) и национальное самосознание.

Тип «идеолог-одиночка» – изначальный, несменяемый и универсальный тип данного мировоззренческого феномена.

Процент русских языческих семей в настоящее время крайне незначителен, в первую очередь, ввиду молодости движения и мировоззренческой нестабильности определенного процента новоязыческого социума, не нацеленного на передачу традиции подрастающему поколению или совершившего «выход из игры» до рождения, совершеннолетия ребенка³⁹. Вместе с тем примеры показывают, что языческая ортодоксия распространяется и на сферу семейных отношений, причем дети-язычники воспитываются под влиянием родителей, занимающих определенный сан в организации. Соответственно, и в данном случае идеолог-лидер – главный атрибутив языческого микромира.

Вече / совет – тип структурированного языческого объединения, возникающий на короткий срок как совещательный орган и объединяющий представителей независимых групп, язычников-одиночек.

³⁹ Опыт функционирования «родноверческих» семей реализован в рязанской общине «Троесвет». См.: Шиженский Р. Интервью с Богумилом (Б.А. Гасановым) // Colloquium heptaplomeres: Научный альманах. – Выпуск II. Н.Новгород, 2015. С. 102–116.

Данный тип весьма близок к типу языческой конфедерации, также предполагающей участие автономных объединений. Однако в отличие от вече / совета конфедерация больше нацелена на решение практических задач. Также для нее характерен более длительный период фактического существования.

Характерной тенденцией последних десяти лет стало проведение международных конференций язычников всевозможных направлений и течений, построенных с учетом этнической ориентации. Организационные формы подобных мероприятий копируют научные конференции (рассылка информационных писем, программы, секции, подведение итогов, обращение с резолюциями к органам власти, наградная система).

Несмотря на наличие разнообразных проявлений русской языческой структуры, наиболее популярными формами объединения остаются традиционные городские общины и союзы объединений. Для большинства данных типов свойственно наличие внутренней, иногда задокументированной в форме уставов, положений, структуры (лидер, окружение, неофиты, сочувствующие), наличие символики (в некоторых случаях авторско-общинной), фиксированных (рукотворных и природных) мест отправления культа; «следование годовому коло» – регулярное проведение общинных праздников и обрядов, собраний, лекториев.

В свою очередь, союзы общин характеризуются выстроенной иерархией в управлении (вече, совет старейшин, совет волхвов, финансовый отдел и т.д.) и соответствующей организационной документацией, где прописываются цели и задачи содружества, права и обязанности общин, порядок приема новых членов и санкции для общин-нарушителей. Как правило, союз имеет Интернет-ресурс, периодическое печатное издание, символ-бренд, маркирующий нарративы лидеров и присутствующий на рекламной продукции объединения.

Цель второй главы диссертации **«Особенности религиозного комплекса современных русских язычников»** заключается в выявлении ключевых элементов (философия, пантеон, обряд), формирующих религиозный комплекс идеологов современного русского язычества.

В параграфе 2.1. «Философско-онтологические учения лидеров русских язычников» рассматриваются авторские комплексы языческой веры Добровольского и Сперанского.

Для мировоззренческих концепций языческой философии А.А. Добровольского и Н.Н. Сперанского характерны следующие особенности. Во-первых, программы в трактовке языческих писателей приобретают статус

априорного знания, дарованного человечеству в эпоху исторического безвременья – Золотого Века. Синтез авторского и «изначального», безусловно, усиливает заявленные философские модели, повышает процент доверия к идеологам в среде последователей. Во-вторых, оба язычника выбирают нравственное начало в качестве системообразующего элемента своей философской концепции и придают ему положение закона. Принципиальными положениями языческих философских законов являются природное, дочеловеческое происхождение нравственности и возможность реализации предлагаемой программы только в условиях господства языческого мировоззрения. В-третьих, объединяет языческие философии Добровольского и Сперанского превалирование мистического опыта, мистической практики, позволяющим адепту приобщиться к природным «силе-Роду», «дарне-ладу». Кроме того, взгляды идеологов включают и категории социального порядка. Обретение искомого природоцентричного мировоззрения невозможно без коллективизма и национального осмысления предлагаемого философско-онтологического концепта, позволяющего носителю (русскому, славянину) выделиться из масс непосвященных. В обеих системах избранничество распространяется и на учителей-волхвов.

Параграф 2.2. «Пантеон и празднично-обрядовые практики современных русских язычников» посвящён изучению специфики новоязыческой мифологии, роли ритуала и праздничного церемониала в практической деятельности последователей русского варианта движения.

Системообразующей категорией современного русского язычества, позволяющей диаспоре претендовать как на разработку собственного мировоззрения, так и на «историчность» последнего, является конструируемый общинными лидерами, язычниками-одиночками пантеон.

В своих мифологических построениях, связанных с описанием предлагаемого неопитам пантеона, А.А. Добровольский весьма сдержан. Причин, не позволивших развиваться созданному мифологическому миру, можно выделить несколько. Во-первых, приведенный Доброславом список, состоящий из синкретизма богов, духов, обожествляемых предков, сочетается, более того, вписывается, в конструируемые отшельником системы первобытного социализма и национального эконоанархизма. Во-вторых, следует учитывать влияние и внешних факторов в виде пионерства Добровольского, начинавшего свое погружение в язычество XX века практически при полном отсутствии новых «источников».

К важнейшим составляющим выдвигаемой божественной доктрины Н.Н. Сперанского можно отнести следующее: во-первых, источниковая база конструируемого пантеона включает данные историографии, личный мистический опыт как первоисточники предлагаемой языческой концепции и этнографический, фольклорный материалы, выступающие в качестве источников второстепенных. Во-вторых, миру богов Велимира свойственна многоуровневость, иерархичность и дуалистичность. Кульминационной точкой развития языческих верований становится супрематеизм. В-третьих, концепция языческого лидера построена на мифологемах, имеющих ярко обозначенную этноцентрическую характеристику.

Празднично-обрядовый комплекс выступает одной из ключевых систем современного русского язычества. Именно праздничное действо, являясь общепринятым (общинно принятым) религиозным стержнем, объединяет последователей новой традиции. Для большинства языческих групп, живущих в мегаполисах, праздник – это единственная возможность пообщаться с единомышленниками, единоверцами, почувствовать себя язычником. Рассмотрение наиболее важных, требующих присутствия большинства членов религиозного сообщества «вечевых» вопросов, связанных как с внутриобщинным бытом, так и с внешними связями, приурочивается к тому или иному значимому «свято». Без сомнения, роль праздника важна и, так сказать, в хронологическом аспекте. Благодаря цикличности, определенной системности основных праздничных дат, современный русский язычник вправе говорить о некоей стабильности, присущей не только его общине, но и учению, мировоззрению в целом. Что касается обрядовой практики современных русских язычников, то, за малым исключением, она является неотъемлемой частью праздничной церемонии. Приуроченные к тому или иному особо важному событию, обряды несут основную действенную и зрелищную нагрузку. Последняя формируется и за счет так называемых «внешних составляющих», сопровождающих обряд. Именно второстепенные составляющие (атрибутика, славления и др.) и наполняют религиозное действо сценарным багажом, позволяющим общинам с разных сторон подойти к реконструкции исчезнувшей традиционной славянской обрядности.

В третьей главе диссертационного исследования **«Современное русское язычество как политико-идеологический дискурс»** определяются мировоззренческие константы, формирующие идеологическую платформу языческого сообщества, отношение язычников к политическим институтам в исторической ретроспективе.

В параграфе 3.1. «Языческий “исторический миф” и языческая “конспириология”: религиозные и политические оппоненты» выявляется круг основных оппонентов современных русских язычников, источники, формирующие аксиоматические платформы носителей рассматриваемого мировоззренческого феномена.

Одним из основных (как по мировоззренческой значимости, так и по «хронологической живучести») современных русских языческих мифов является рассказ об историческом портрете киевского князя Владимира Святославича. Автор данной мифологемы – представитель «первой волны» отечественного младоязыческого движения В.Н. Емельянов. «Миф о Владимире» был изложен в его книге «Десионизация», вышедшей в самиздате в конце 70-х годов XX века⁴⁰. Кроме «основной» легенды о еврейской генеалогии князя Владимира, труд В.Н. Емельянова содержит еще одну часть «Владимирского мифа», практически самостоятельную. Вторая часть исторического мифа посвящена деяниям великого киевского князя. В отличие от вполне законченного и сформированного «Мифа №1», в «Мифе №2» автор лишь открывает проблему, намечает основные вопросы, не раскрывая их содержание.

В целом «Миф о Владимире» проходит классический путь любого мифологического сюжета. Источник, первоначальный рассказ, получает развитие, и, как отмечал Э.Б. Тайлор, «из одного ряда идей развиваются другие, связанные с предыдущими более или менее отдаленной аналогией»⁴¹. Однако если мифы в традиционных обществах, в стандартных мифологических системах трансформируются на протяжении тысячелетий, то современному языческому мифу о Владимире потребовалось несколько лет, чтобы обогатиться за счет новых идеологов.

Преемником В.Н. Емельянова в вопросе мифотворчества следует признать А.А. Добровольского. Идеолог современного русского язычества гиперболизирует проблему антигероев русской истории. Центральное место в черном списке теории Добровольского также занимает креститель Руси. Первая часть рассматриваемого мифа (генеалогия Владимира), или «Миф №1», излагается Доброславом без изменений⁴². Деяниям великого киевского князя («Мифу №2») уделяется значительно больше места. Первая религиозная реформа Владимира (980 год) рассматривается автором исключительно как

⁴⁰ Емельянов В.Н. Десионизация. М., 2005.

⁴¹ Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск, 2000. С. 47. См. также: Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000. С. 140.

⁴² Доброслав Дерево целитель // Мир Тесен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bereginja.mirtesen.ru/blog/43879305888/DEREVO-TSELITEL> (Дата обращения: 14.05.2024).

комплекс мер, осуществляемых и насаждаемых дружинной знатью. А.А. Добровольский описывает и последствия введения новой веры. Итог правления Владимира Святославича – духовное разоружение народа, сокращение его численности и, как следствие, неспособность русских княжеств противостоять ордам монголо-татар в XIII веке.

Остановившись на рассуждениях языческих идеологов, посвященных как фигуре Владимира Святославича, так и иным персоналиям древней и средневековой Руси, следует отметить ряд особенностей, свойственных приведенным историко-мировоззренческим гипотезам. Решающей силой, определяющей отношение лидера языческого сообщества к тому или иному историческому деятелю, является политика великого князя в религиозной сфере. Чем лояльней глава государства к новой вере – христианству, тем у него больше шансов оказаться в черном списке «родноверия». Деятельность избранных антигероев новых русских язычников достаточно фрагментарно отразилась в письменных источниках как зарубежного, так и отечественного происхождения. Следствием этого можно считать появление и развитие всевозможных фантастических теорий, а также огромного числа околонучных исследований, посвященных биографиям русских князей средневековой Руси. Языческие авторы сосредотачивают внимание лишь на рассмотрении переломных либо неоднозначных исторических событий. Данный принцип отражается и на выборе исторического персонажа. Время до или после события, до или после персонажа вычеркивается из исторической канвы.

К системообразующим элементам, составившим образ скрытой угрозы «родноверия» относятся: «теория заговора» – продукт интеллектуального построения; наличие связи между автором и его текстом; ретроспективный способ понимания истории. «Внешний каркас» фактов и явлений необходим конспирологу для придания масштабности подхода и раскрытия истинного содержания истории; стремление к анонимности как один из вариантов поведения конспирологических авторов; наличие идеи о внешнем и внутреннем враге. Представление о «сверхвласти», стремящейся причинить зло России; присутствие элементов расовой конспирологии; реактивность как одна из ключевых интенций «теории заговора».

В параграфе 3.2. «Языческий анархизм и языческая государственность: особенности политико-идеологических концептов» анализируются языческие политические программные проекты.

Анализ социально-политических проекций Добровольского и Сперанского позволяет констатировать наличие как идентичных, так и отличных идейных

дискурсов, составляющих основу языческого мира будущего. К общему следует относить категорическое неприятие сложившейся в Российской Федерации современной политической модели с поиском необходимой системы в исторической ретроспективе: Древней Руси, СССР.

Идентичной для обоих идеологов является гиперболизация славянской архаики и планируемое включение элементов управления последней в современное поле социально-политической организации. Роль универсальных эталонов, по мнению языческих лидеров, должен сыграть общинный (родовой, соседский) институт, базирующийся на вечевой форме управления. Соответственно, важнейшими составляющими общинно-вечевого устройства будущего должны стать всеобщая трудотерапия, подчинение личных интересов интересам общества.

Оба лидера сходятся на идее абсолютизации религиозной (мировоззренческой), составляющей в ценностной системе социума будущего. Возрожденное язычество, подчеркнем, язычество этнократическое – русское, мыслится Добровольскому и Сперанскому не только как единственно возможная религиозная система будущего, но и как априори единственный гарант существования человечества. Отсюда ставка дидаскалов от современного религиозного нативизма на теократическую систему в форме «волховского всевластия».

В свою очередь, важнейшими отличиями модели будущей языческой цивилизации А.А. Добровольского от проекции Н.Н. Сперанского следует считать: во-первых, сам метод обретения искомой власти – через насильственное свержение существующих государственных институтов, проводимое подготовленными, сплоченными идейно, законспирированными языческими общинами. В противовес данному концепту Сперанский предлагает взять за основу перехода к искомому идеалу «политику разъяснения», мирного несоглашательства и самосовершенствования.

Во-вторых, языческие идеологи по-разному представляют структуру будущего общественно-политического устройства. Взяв за базис общинно-вечевое управление, Доброслав делает ставку на антиэтатизм, представляя русский нативистский мир будущего в виде союза экоанархических коммун. Используя ту же структурную площадку, Велимир, напротив, констатирует торжество языческой государственности, опирающейся на принципы национальной (русской) языческой соборности.

Параграф 3.3. «Золотой Век в современной языческой футурологии: концепции трех историй (русско-норвежские параллели)» посвящен

конструированию идеологами концепций «языческого рая» в мифологическом и историческом прошлом, рассмотрению проекций Золотого Века в будущем.

Тему земного «языческого рая», следует относить к концептообразующей в современном русском, шире – европейском языческом движении. Стремление к обретению утраченного, выходу за рамки привычной обыденности, жажда сакрализации исторического процесса, своего существования в «предапокалипсическом веке» тотальной урбанизации заставляет лидеров «старых» религий обратиться к собственному толкованию мирового «изначалия».

Рассмотрение «протоистории» – вселенского начала и человеческого антропогенеза в представлениях идеологов XX–XXI веков, засвидетельствовало наличие главного элемента, легшего в основу этнического радикализма Варга Викернеса и А.А. Добровольского – посылка на избранность. Гиперболизация тезиса об изначальной, богами установленной доминанте нордического населения над остальным расовым генофондом. Сюда же следует относить и разработку собственной истории, и введение в ее событийное поле «первых мифов»: мифа о северной прародине, европейской этнической колыбели, мифа о Золотом Веке белого человека-бога.

«История историческая» в отражении Викернеса и Добровольского включает событийную и хронологическую выборку приводимого и анализируемого материала (с определенным уклоном в сторону бесписьменных времен). Формирование образа врага / друга, героя / антигероя, в первую очередь, происходит с учетом религиозной принадлежности объекта, во вторую – расовой и национальной идентичности.

История будущего в интерпретации язычников предполагает тотальное изменение существующего мироустройства. Единым русско-норвежским механизмом перехода к новому является борьба (война) – всеобъемлющая категория, под воздействие которой попадает и «внешняя составляющая» – противоборствующие группировки, и «внутренняя» – мотивация на самосовершенствование, «переустройство» отдельного человека. Идейная солидарность Добровольского и Викернеса проявляется в ставке на молодое поколение, способное осуществить планируемую ломку старого и построение нового мирового порядка. Программа-минимум предполагает насильственный захват власти, осуществляемый законспирированными, хорошо организованными мобильными боевыми этноподразделениями. В соответствии с программами-максимум в языческий мир будущего должен войти человек новой формации –языческий идеократ, элита социума будущего – духовная и

расовая аристократия, выдвинувшая из своей среды лидера, сверхчеловека – вождя обновленной нации.

Несмотря на безусловное тождество основных идей планируемой истории, ряд положений теорий Добровольского и Викернеса далек от солидарности. Авторы расходятся в видении функционирования своего главного механизма перехода – борьбы (войны). Для Викернеса война – величина постоянная и необходимая, являющаяся частью истинного языческого мировоззрения. Для Добровольского с его Золотым Веком всеобщего благоденствия будущая война – лишь необходимость, вынужденный «болевой прием», посредством которого возродится *homo naturalis*. Различны и политические силы, которые выступают союзниками сравниваемых персоналий. Если круг «своих» и временных попутчиков Доброслава весьма обширен и включает экологов, антиглобалистов, феминисток, революционеров в целом и анархистов в частности, то Викернес делает ставку исключительно на новых европейских ультраправых. В отличие от Добровольского, скандинавский мыслитель предельно гиперболизирует национальную составляющую, наделяя последнюю статусом важнейшего проводника своей платформы. Кроме того, ступени самосовершенствования человечества, порядок языческой инициации северного европейца предполагает первостепенное развитие физического и умственного «скелета». Выбранная последовательность входит в противоречие с языческим мистицизмом вятского отшельника, сделавшего ставку на человеческую мораль.

В **Заключении** диссертации формулируются выводы, к которым пришел автор настоящего исследования. В реалиях религиозной карты Российской Федерации уже несколько десятилетий активно развивается феномен современного русского язычества, которое является суммой мировоззренческих исканий отдельных идеологов.

В исследовании введено и обосновано использование понятия «современное русское язычество», характеризующее структурно-функциональные особенности феномена, заявившего о себе в определенном историческом, этническом и социокультурном контексте. В диссертации удалось установить время его возникновения – конец 70-х годов XX века, и определить сегменты русской языческой «неисторичности» (синкретизм, религиозная исключительность, авторская языческая философия, принадлежность к современному урбанистическому социуму).

Религиозность нового язычества проявляется через набор кодов-дискурсов, среди которых сложившийся институт харизматических лидеров-идеологов,

фиксируемая система «языческого тезауруса», уникальный комплекс ритуально-обрядовых практик.

В настоящее время на территории Российской Федерации наблюдаются следующие типы русского «языческого функционирования»: язычник-индивидуал, идеолог-одиночка, семья, вече/совет, конференция, община, союз общин, конфедерация, поселение, Интернет-ресурс.

«Язычество в действии» отвергает существующие религиозные практики мировых религий и включает развитую обрядовую составляющую, построенную на экстравагантной ритуалистике, системе практик духовного и нравственного совершенствования, изменяющейся в соответствии со временем, требованиями верующих и волей лидера конкретного движения. Неотъемлемыми дискурсами языческого мировоззрения, выходящими за рамки «чистой» религиозности, являются ярко выраженный инфантилизм, мистическая обрядность, детерминизм личного, общественного и природного. Кроме того, новому русскому язычеству присущи идеи религиозной и национальной идеализации.

Русский нативизм XX–XXI веков обладает собственным лексиконом, созданным основателями общин. Новый «языческий язык» проявляется в ономастике, обрядовой терминологии и в конструировании магических словесных формул. Для языка, используемого сегодняшними политеистами, «научнообразными» и «этнически обогащенными» группами, характерно усложнение текста.

Празднично-обрядовый комплекс выступает одной из основополагающих, ключевых систем современного русского язычества. Для большинства языческих групп, живущих в мегаполисах (так называемых «городских язычников»), праздник – это зачастую единственная возможность пообщаться с единоверцами, почувствовать себя язычником. Рассмотрение наиболее важных, требующих присутствия большинства членов религиозного сообщества «вечевых» вопросов, связанных как с внутриобщинным бытом, так и с внешними связями, приурочивается к тому или иному значимому «свято». Роль праздника важна и, так сказать, в хронологическом аспекте. Благодаря цикличности, определенной системности основных праздничных дат, прозелит вправе говорить о некоей стабильности, присущей не только его общине, но и учению, мировоззрению в целом.

Рассмотрев концепции языческой философии А.А. Добровольского и Н.Н. Сперанского, следует отметить ряд особенностей, характерных для мировоззрения идеологов религиозного нативизма. Предлагаемые программы

приобретают статус априорного знания, дарованного человечеству в эпоху исторического безвременья – Золотого Века. Синтез авторского и «изначального», безусловно, усиливает заявленные философские модели, повышает процент доверия к идеологам в среде последователей. Оба язычника выбирают нравственное начало в качестве системообразующего элемента своей философской концепции и присваивают ему статус закона («Праведный нравственный закон», «Нравственный закон Рода»). Принципиальными положениями философских исканий являются природное, дочеловеческое происхождение нравственности и возможность реализации предлагаемых законов только в условиях господства языческого мировоззрения. Наступление нового языческого Золотого Века и, как следствие, возобновление действия нравственных законов, согласно прогнозам идеологов, возможно и в настоящее время. Языческие философии Добровольского и Сперанского объединяет превалирование мистического опыта, мистической практики, позволяющих адепту приобщиться к природным «силе-Роду», «дарне-ладу».

Анализ социально-политических проекций позволяет констатировать категорическое неприятие сложившейся в Российской Федерации современной политической модели и поиск необходимой системы в исторической ретроспективе. Предлагаемые концепции построены на гиперболизации славянской архаики и планируемом включение элементов ее управления в современное поле социально-политической организации. Роль универсальных эталонов, по мнению языческих лидеров, должен сыграть общинный (родовой, соседский) институт, базирующийся на вечевой форме управления. Соответственно, важнейшими составляющими общинно-вечевого устройства будущего должны стать всеобщая трудотерапия, подчинение личных интересов интересам общества. Нативисты абсолютизируют религиозную (мировоззренческую) составляющую в ценностной системе социума будущего. Возрожденное язычество, подчеркнем – язычество этнократическое русское, мыслится не только как единственно возможная религиозная система будущего, но и как априори единственный гарант существования человечества. Отсюда ставка на теократическую систему в форме «волховского всевластия».

III. ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

а) статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации для публикации основных результатов диссертационного исследования:

1. Шиженский, Р.В. Неоязыческий миф о князе Владимире / Р.В. Шиженский // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет. – 2009. – № 6. – С. 250–256. – 0,81 п.л.

2. Шиженский, Р.В. Дарна как религиозная категория современных литовских язычников / Р.В. Шиженский // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет. – 2013. – № 6. – С. 171–174. – 0,47 п.л.

3. Шиженский, Р.В., Суroveгина, Е.С. Особенности проведения современного славянского языческого праздника (на примере организации дня Перуна) / Р.В. Шиженский, Е.С. Суroveгина // Общество: философия, история, культура. – Краснодар: Издательский дом «Хорс». – 2015. – № 6. – С. 140–142. – 0,24 п.л. (п.л. авт. 0,19).

4. Шиженский, Р.В., Суroveгина, Е.С. «Родноверческий оберег»: погружение в языческую традицию XXI века / Р.В. Шиженский, Е.С. Суroveгина // Научное мнение. – СПб.: Санкт-Петербургский университетский консорциум. – 2017. – № 12. – С. 10–14. – 0,63 п.л. (п.л. авт. 0,55).

5. Шиженский, Р.В. Особенности нового языка («новояза») русских язычников XXI века / Р.В. Шиженский // Научное мнение. – СПб.: Санкт-Петербургский университетский консорциум. – 2017. – № 11. – С. 25–33. – 1,13 п.л.

6. Шиженский, Р.В., Суroveгина, Е.С. Опыт анкетного опроса представителей «поволжского родноверия» / Р.В. Шиженский, Е.С. Суroveгина // Вестник Мининского университета. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. – 2018. – Том 6. – № 4. – С. 16. – 0,12 п.л. (авт. п.л. 0,8).

7. Шиженский, Р.В., Шляхов, М.Ю. Социальный портрет участников праздника святилища Реком (по данным анкетного опроса) / Р.В. Шиженский, М.Ю. Шляхов // Евразийский юридический журнал. – М.: МГЮА. – 2019. – №11. – С.380–383. – 0,47 п.л. (п.л. авт. 0,35).

8. Шиженский, Р.В. Образ служителя культа в нативистском симулякре XXI века / Р.В. Шиженский // Общество: философия, история, культура. – Краснодар: Издательский дом «Хорс». – 2020. – № 7. – С. 38–42. – 0,6 п.л.

9. Шиженский, Р.В., Шляхов, М.Ю. К вопросу о мировоззренческом «портрете» представителей ирон дин (по данным анкетного опроса участников праздника святилища Реком) / Р.В. Шиженский, М.Ю. Шляхов // Евразийский юридический журнал. – М.: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. – 2020. – № 10 (149). – С. 485–486. – 0, 53 п.л. (п.л. авт. 0,45).

10. Пепеляева, С.В., Шиженский, Р.В. Коммуникативные практики в российском религиозном нативизме XXI века / С.В. Пепеляева, Р.В. Шиженский // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2021. – №3 – (39). – С 58–74. –0,6 п.л. (п.л. авт. 0,3).

11. Шиженский, Р.В. Русский младоязыческий дискурс в пенталогии «Ночь Сварога» / Р.В. Шиженский // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2021. – №1 (37). – С 148–161. – 0,6 п.л.

12. Гайдуков, А.В., Саберов, Р.А., Шиженский, Р.В. К вопросу о методологии изучения российского неоязычества / А.В. Гайдуков, Р.А. Саберов, Р.В. Шиженский // Общество: философия, история, культура. – Краснодар: Издательский дом «Хорс». – 2021. – № 3 (83). – С. 23–27. – 0, 46 п.л. (п.л. авт. 0,37).

13. Шиженский, Р.В., Шляхов, М.Ю. К вопросу о сакральном пространстве и религиозной атрибутике представителей ирон дин (по данным анкетного опроса участников праздника святилища реком) / Р.В. Шиженский, М.Ю. Шляхов // Евразийский юридический журнал. – М.: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. – 2021. – № 3 (154). – С. 499–502. –0,42 п.л. (п.л. авт. 0,37).

14. Шиженский, Р.В., Кочеганова, П.П. Репрезентации движения ирон дин в социально-коммуникативном и историко-культурном дискурсах / Р.В. Шиженский, П.П. Кочеганова // Концепт: философия, религия, культура. – 2022. – Т. 6. – № 1 (21). – С. 50–61. – 0,5 п.л. (п.л. авт. 0,3).

15. Шиженский, Р.В. «Волшебное войско Руси» как пример парадокса неоязыческого псевдосимулякра (часть I) / Р.В. Шиженский // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 9 (101). – С. 64–68. – 0,3 п.л.

16. Шиженский, Р.В. «Волшебное войско Руси» как пример парадокса неоязыческого псевдосимулякра (часть II) / Р.В. Шиженский // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 10 (102). – С. 95–99. – 0,3 п.л.

17. Шиженский, Р.В. «Уходить в лес или остерегаться стеклянных пчел?»: прочтение современных языческих констант в произведениях Э. Юнгера / Р.В. Шиженский // *Kant.* – 2023. – № 2 (47). – С. 251–255. – 0,3 п.л.

18. Шиженский, Р.В. «Уходить в лес или остерегаться стеклянных пчел?»: новоязыческий архетип «герой/носитель» в произведениях Э. Юнгера / Р.В. Шиженский // *Kant.* – 2023. – № 3 (48). – С. 171-175. – 0,3 п.л.

статьи в журналах, находящихся в базах данных Scopus, Web of Science:

19. Шиженский, Р.В., Суroveгина, Е.С. Русско-литовский языческий проект конца 90-х XX в.: от идеи к последствиям / Р.В. Шиженский, Е.С. Суroveгина // *Вестник славянских культур.* – М.: Московский государственный университет дизайна и технологии. – 2017. – Т. 45. – С. 35–46. – 1,5 п.л. (п.л. авт. 1).

20. Пепеляева, С.В., Шиженский, Р.В. Особенности функционирования анималистических образов в художественном творчестве представителей современного языческого движения / С.В. Пепеляева, Р.В. Шиженский // *Вестник славянских культур.* – М.: Московский государственный университет дизайна и технологии. – 2020. – Т. 55. – С. 80–92. – 1,06 п.л. (п.л. авт. 0,7).

21. Самойлова, Г.С., Суroveгина, Е.С., Шиженский, Р.В. Самоидентификация язычников в современной России: феномен именослова (по материалам полевых исследований) / Г.С. Самойлова, Е.С. Суroveгина, Р.В. Шиженский // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований.* – Томск: Томский государственный педагогический университет. – 2020. – №1 (27). – С. 151–161. – 0,9 п.л. (п.л. авт. 0,5).

22. Шиженский, Р.В. Религиозный нативизм в России «эпохи» ковида / Р.В. Шиженский // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение.* – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – 2021. – №97. – С. 91–104. – 1 п.л.

б) монографии:

23. Смержевская, О.А., Шиженский, Р.В. Современное язычество в религиозно-культурной жизни: исторические очерки / О.А. Смержевская, Р.В. Шиженский – Н.Новгород: НГПУ, 2010. – 210 с. – 19 п.л. (п.л. авт. 10). – ISBN – 978-5-85219-193-9

24. Шиженский, Р.В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А.А. Добровольского) / Р.В. Шиженский – Н.Новгород: Типография «Поволжье», 2014. – 311 с. – 18 п.л. – ISBN 978-5-98449-259-1

25. Шиженский, Р.В. Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н.Н. Сперанского) / Р.В. Шиженский –

Н.Новгород: Типография «Поволжье», 2015. – 216 с. – 13,5 п.л. – ISBN 978-5-98449-284-3

26. Shizhensky, R. Slavic paganism today: between ideas and practice / R. Shizhensky – Milton Keynes: PRAV Publishing, 2021. – 321 p. – 19 п.л. – ISBN 978-1-952671-09-8

в) другие научные публикации по теме диссертации:

27. Шиженский, Р.В. Жречество в современном российском язычестве / Р.В. Шиженский // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – Ижевск: Удмуртский государственный университет. – 2008. – № 2. – С. 139–148. – 1,16 п.л.

28. Шиженский, Р.В. Иерархическое положение волхвов в структуре русских неоязыческих организаций / Р.В. Шиженский // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Алтайский государственный университет. – 2008. – № 2. – С. 288–295. – 0,5 п.л.

29. Шиженский, Р.В. Празднично-обрядовый календарь русского неоязычества / Р.В. Шиженский // Этносоциум и межнациональная культура. – М.: Международное издание «Этносоциум и межнациональная культура». – 2008. – № 6 (14). – С. 122–129. – 0,93 п.л.

30. Шиженский, Р.В. Русское язычество: лидеры и хронология (к вопросу об этнической религиозности в России XX-XXI вв.) / Р.В. Шиженский // Общественные науки. – М.: Автономная некоммерческая организация «Международный исследовательский институт». – 2010. – № 2. – С. 31–43. – 1,51 п.л.

31. Шиженский, Р.В. К вопросу о религиозной основе славянской версии indigenous religions / Р.В. Шиженский // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – СПб.: «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». – 2011. – № 1 (118). – С. 263–268. – 0,7 п.л.

32. Бутылов, Н.В., Шиженский, Р.В. «История расовая» в мировосприятиином конструкте языческих этно-радикалов XXI века / Н.В. Бутылов, Р.В. Шиженский // Ученые записки Российского государственного социального университета. – М.: Российский государственный социальный университет. – 2012. – № 4 (104). – С. 32–36. – 0,41 п.л. (п.л. авт. 0,22).

33. Бутылов, Н.В., Шиженский, Р.В. Локусы новоязыческого золотого века на примере мировоззренческих дискурсов волхва Велимира (Н.Н.

Сперанского) / Н.В. Бутылов, Р.В. Шиженский // Ученые записки Российского государственного социального университета. М.: Российский государственный социальный университет, 2013. Т. 1. № 3 (115). С. 34–37. (0,33 п.л.).

34. Шиженский, Р.В. «Я язычник!» - к вопросу о самоопределении прозелитов славянского раган-движения (на примере ярославской общины «Велесово урочище») / Р.В. Шиженский // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Алтайский государственный университет. – 2014. – № 7. – С. 188–200. – 0,5 п.л.

35. Шиженский, Р.В. Философия гендера в современном европейском язычестве / Р.В. Шиженский // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. – 2014. – № 3 (19). – С. 51–58. – 0,93 п.л.

36. Шиженский, Р.В., Михеева, И.Б. Проекты религиозного строительства: центр, монастырь, школа в русском языческом движении второй половины XX – начала XXI вв. (на примере дискурсов Н.Н. Сперанского) / Р.В. Шиженский, И.Б. Михеева // Вестник Мининского университета. Н.Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. – 2015. – № 1 (9). – С. 9. – 0,12 п.л. (п.л. авт. 0,6).

37. Шиженский, Р.В. К вопросу об источниковой основе русской языческой диаспоры (по данным полевых исследований) / Р.В. Шиженский // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2015. – № 4 (36). – С. 125–132. – 0,93 п.л.

38. Шиженский, Р.В., Саберов, Р.А. К вопросу об особенностях функционала религиозных лидеров современного язычества: русско-марийские параллели / Р.В. Шиженский, Р.А. Саберов // Казанская наука. – Казань: Казанский Издательский Дом. – 2015. – № 9. – С. 61–63. – 0,24 п.л. (п.л. авт. 0,18).

39. Шиженский, Р.В., Тютина, О.С., Сморжевская, О.А. Особенности современного языческого мировоззрения (по данным полевых исследований) / Р.В. Шиженский, О.С. Тютина, О.А. Сморжевская // Вестник Мининского университета. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. – 2016. – № 1-1 (13). – С. 14. – 0,12 п.л. (п.л. авт. 0,6).

40. Шиженский, Р.В., Шляхов, М.Ю., Суwegeина, Е.С. Русский язычник 2016 год: особенности социального портрета / Р.В. Шиженский, М.Ю. Шляхов,

Е.С. Суroveгина // Теории и проблемы политических исследований. – Ногинск: Аналитика Родис. – 2016. – № 4. – С. 30–37. – 1 п.л. (п.л. авт. 0,5).

41. Шиженский, Р.В., Суroveгина, Е.С. Роль пищи в русском язычестве XXI века / Р.В. Шиженский, Е.С. Суroveгина // Общественные науки. – М.: Автономная некоммерческая организация «Международный исследовательский институт». – 2017. – № 1. – С. 492–502. – 1,28 п.л. (п.л. авт. 0,9).

42. Шиженский, Р.В., Кочеганова, П.П. К вопросу о мантическом комплексе современного русского язычества / Р.В. Шиженский, П.П. Кочеганова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – М.: Научные технологии. – 2018. – № 4 (79). – С. 164–168. – 0,53 п.л. (п.л. авт. 0,35).

публикации в зарубежных изданиях:

43. Шиженский, Р. К вопросу о терминологии славянской вариаций «Indigenous Religions» (на примере термина «неоязычество») / Р. Шиженский // Етнічна історія народів Європи: Збірник наукових праць. – К.: Унісерв, 2010. – Випуск 33. – С. 121–126. – 0,7 п.л.

44. Шиженский, Р.В. Проблеми становлення етнічної релігійності в Росії за даними російської історіографії / Р.В. Шиженский // Гілея. Науковий вісник. – Київ: Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова. Українська Академія Наук. – 2010. – Випуск 34. – С. 166–173. – 0,93 п.л.

45. Шиженский, Р. Дефиниции политеизма XX-XXI вв. (на примере термина «язычество») / Р. Шиженский // Етнічність і влада: національний і регіональний вимір нової архітектури безпеки в Європі. – Севастополь: Вебер. – 2010. – С. 369–376. – 0,47 п.л.

46. Šiženskis, R. XXI amžiaus rusų pagonybe: «Aukso amžiaus» nostalgija ar nacionalinis indigenous religions atgaivinimo projektas? / R. Šiženskis // Liaudies kultūra. – Vilnius: Lietuvos liaudies kultūros centras (LLKC). – 2011. – №5. – P. 71–80. – 0,58 п.л.

47. Шиженский, Р. «Яв», «Прав» і «Нав» як релігійно-філософські основи слов'янського неоязичництва / Р. Шиженский // Колегія. Часопис Інституту релігійних наук св. Томи Аквінського у Києві. – Київ. – Номер 7 (20). – 2011. – С. 122–133. – 0,7 п.л.

48. Шиженский, Р. Противники по вере: чёрный список язычников XX-XXI века на примере волхва Велимира (Н. Н. Сперанского) / Р. Шиженский // Наукові записки Ужгородського Університету. – Ужгород: Говерла. – 2013. – Випуск 2. – С. 208–222. – 1,88 п.л.

49. Shizhensky, R., Tyutina, O. Paganism and neo-paganism of the 20-21st centuries. On the terminology of Slavic variations «Indigenous religions» / R. Shizhensky, O. Tyutina // *Lithuanian journal of anthropology*. – Vilnius: Centre for Research on Contemporary Spirituality and Culture. 2014. – №1. – P. 44–60. – 0,99 п.л. (п.л. авт. 0,5).

50. Šiženski, R. Venäläisten pakanoiden näkemykset maan historiallisista johtajista / R. Šiženski // *Idäntutkimus (Finnish Review of East European Studies)*, University of Tampere. – Tampere. – 2016. – №2. – S. 27–39. – 0,76 п.л.

51. Шиженский, Р.В. Особенности изучения феномена современного славянского язычества на примере историографического анализа лидера общины «Коляда Вятичей» Н.Н. Сперанского (Велимира) / Р.В. Шиженский // *Сектоведение. Альманах*. – Жировичи: Издательство Минской духовной академии. – 2016. – Том V. – С. 82–96. – 0,87 п.л.

52. Шиженский, Р. Особенности нового языка («Новоязы») русских язычников XXI века / Р. Шиженский // *Orientalia christiana cracoviensia. Journal of the Institute of History at the Pontifical University of John Paul II in Krakow*. – Krakow: The Pontifical University of John Paul II. – 2017. – №9. – S. 125–139. – 0,87 п.л.

53. Shizhenskiy, R.V. The role of food in contemporary Russian Paganism / R.V. Shizhenskiy // *Walking the Old Ways in a New World: Contemporary Paganism as Lived Religion* (ed. with Joanna Malita-Król), Katowice – 2017. – P. 161–182. – 1,28 п.л.

54. Shizhenskiy, R., Aitamurto, K. Multiple Nationalisms and Patriotisms Among Russian Rodnover / R. Shizhenskiy, K. Aitamurto // *Cosmopolitanism, Nationalism, and Modern Paganism*. Palgrave Macmillan US. New York. – 2017. – P. 109–132. – 1,4 п.л. (п.л. авт. 1).